

**ТИПЫ ПОСЕССИВНЫХ ИМЕНОВАНИЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ БЕЛОЗЕРЬЯ
КОНЦА XIV–XV в.**

Исследователи ономастикона древнерусских и старорусских памятников письменности неоднократно указывали на слабую отграниченность имен собственных от имен нарицательных на ранних этапах становления региональных онимических систем [Карпенко 1966; Матей 1987]. По мнению ученых, древнейшие онимы тесно связаны с различными ФСК и прежде всего с ФСК посессивности. Вопрос о посессивном характере отдельных групп имен собственных затрагивался в работах Р. Мароевича, С. Н. Смольникова, Ю. И. Чайкиной [Мароевич 1989; Смольников 2002; Чайкина 2003].

Языковые средства выражения ФСК посессивности принято рассматривать как структуру полевого типа. Исследователи отмечают полицентричность данного ФСП. С точки зрения А. В. Бондарко, «бицентрическая структура ФСП определяется различием предикативной и атрибутивной функций, связанных с соответствующими типами посессивных конструкций» [ТФГ, 99].

В памятниках письменности Белозерья отмечены географические наименования, сохраняющие непосредственную связь с ФСК посессивности. Конструкции типа *Мишкова пустошь* (АСВР 3, 272, 1497 г.), *Никоновская пожня* (АСВР 2, 168, 1455–75 гг.), *Гридина деревня Лукина* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.) являются аналитическими образованиями с живым посессивным значением. Формальная структура данных географических названий отражает структуру посессивной ситуации: в наименованиях (например, *пожня Давыда Клементьева*) представлены «обладатель» (*Давыд Клементьев*) и «объект обладания» (*пожня*). В подобных именовании разрядное топонимическое значение выражено географическим термином (*пожня*).

В текстах монастырских актов отмечены посессивные предикативные конструкции, реализующие значение отношения земельного угодья к бывшему владельцу: *с тою поженькою, которую Нестерко*

у Ондreja выменил в Ондрееве наволоце (АСВР 2, 3, 1397–1410 гг.), деревня, что делал Гридя Щеть (АСВР 2, 263, 1482–84 гг.). Посессивное значение в исследуемых примерах выражается придаточным предложением, относящимся к определяемому географическому термину: *поженки, что есми купил себе у Насона у Назарыина да у Семена у Третьякова* (АСВР 2, 144, 1448–70 гг.). Именования, компоненты которых связаны предикативными отношениями, представляли собой фразовые номинации и имели речевой характер. Они возникали и функционировали в рамках делового текста.

Для номинации географических объектов широко использовались атрибутивные посессивные конструкции. В анализируемых текстах производящей базой для атрибутивных посессивных конструкций являются личные имена: *Гридинская деревня* (Арх. еж., 5, ок. 1489–1492 г.), *Быкова пустошь* (АСВР 2, 153, 1450/51 г.), патронимы: *Поповичева деревня* (АСВР 2, 230, ок. 1475 – 80 гг.) или личные именования: *Гридины пожни Кукорышева* (АСВР 2, 290, ок. 1492), *деревня Ивашовская Мишина* (АСВР 2, 16, 1397–1427 гг.) первопоселенцев или владельцев земельных угодий.

Исследуемые аналитические формы строятся по нескольким моделям. Наиболее распространенной является двухкомпонентная модель, возникшая в результате сочетания географического термина и притяжательного прилагательного, образованного от личного имени посессора с помощью суффиксов *-ов/-ев*, *-ин*: *Константинова земля* (АСВР 2, 52, 1428–34 гг.), *Нестеров огород* (АСВР 2, 6, 1397–1410 гг.), *Соколова пустошь* (АСВР 2, 153, 1450/51 г.), *деревня Чурилова* (АСВР 2, 284, ок. 1492 г.), *Воцажниково селище* (АФЗХ, 307, 1453 г.), *Мервинов починок* (АСВР 2, 153, 1450/51 г.) и т.д. Подобные именования реализовали значение индивидуальной принадлежности.

Для выражения неличной принадлежности использовались аналитические формы, образованные в результате сочетания географического термина и притяжательного прилагательного с суффиксами *-овск/-евск*, *-инск*: *Обакумовская земля* (АЮБ, 63, 1432 г.), *поле Поповское* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *огород Шуклинский* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Саврасовская пустошь* (Арх. еж., 4, ок. 1455 г.), *Тимовское селище* (АФЗХ, 307, 1453 г.).

В топонимии памятников XIV–XV вв. наряду с двучленными также представлены многочисленные атрибутивные конструкции.

а) Географический термин + личное именование в форме родительного падежа: *Еремея Горяинова земля* (АСВР 2, 264, 1482–90 гг.), *пожня Давыда Клементьева* (АСВР 2, 135, 1448–70 гг.), *Гриди Черного пустошь* (АСВР 2, 321, ок. 1437 г.), *пожня Семена Шастина* (АФЗХ, 308, 1498–99 гг.). В именовании типа *Левуни Шастакова деревня* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.) посессор выражен формой родительного принадлежности.

К отмеченным генетивным конструкциям близки по структуре топонимические сочетания, выражающие синкретичное локативно-посессивное значение: *пожня Копыловской деревни* (АСВР 2, 229, 1475/76 г.), *пожню великого князя Михайловские деревни Ивачевского села* (Кн. Шексн., 18, 1495 г.). В топонимических сочетаниях *земля деревни Гладиловы* (АСВР 2, 260, 1482 г.), *земля Лачны деревни* (АСВР 2, 260, 1482 г.), *земля Кирилова монастыря Пестовские деревни* (АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 гг.) синкретизм значения обусловлен двойственным характером содержания понятия «деревня» (деревня как социокультурное явление, деревня как локализованный в пространстве географический объект).

б) Притяжательное прилагательное на *-ов/-ев/-ин* в форме родительного падежа + географический термин + дополнительный компонент именовании в форме родительного падежа. Как отмечает Р. Мароевич, данная модель известна еще праславянскому языку [Мароевич 1989]. Дополнительным компонентом мог являться патроним: *пожни Якушевы Манакова* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Елизарова пожня Циплятева* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Олешины земли Маурина* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Гридины пожни Кукорышева* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *Гусева деревня Мануйлова* (АСВР 2, 296, ок. 1496–1505 гг.). В функции дополнительного компонента именовании могло выступать второе личное имя: *Васильев закос Погорелово* (АСВР 2, 294, ок. 1495–1505 гг.). Данная модель активно использовалась и для образования патронимической лексики: *Кузма Федоров сын Олешева* (АСВР 2, 168, ок. 1555–75 гг.), *Оладья Андреев сын Климентьева* (АФЗХ, 299, 1464–1473 гг.), *Семен Васильев сын Бородатого* (АСВР 2, 330, 1484 г.).

в) Притяжательное прилагательное на *-овск/-евск/-инск* в форме именительного падежа + географический термин + патроним в форме ро-

длительного падежа: *Ондреевская деревня Ильина* (Арх. еж, 4, ок. 1455 г.), *деревня Васильевская Плавина* (АСВР 2, 248, ок. 1477–79 гг.), *дер. Олешовская Горничярова* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *деревня Ивашовская Мишина* (АСВР 2, 16, 1397–1427 гг.), *Ескинская деревня Наумова* (АСВР 2, 264, 1482–90 гг.). Как отмечает С. Н. Смольников, «данная конструкция в большей степени, чем другие, специализирована для именования объектов по бывшему владельцу, с характерной для него утратой значения прямого обладания и приобретением значения неотторжимой принадлежности, отношения объекта к его первому владельцу или создателю» [Смольников 2002: 20].

Наблюдения над функционированием форм с вариантными формантами в исследуемых текстах подтверждают этот вывод. В конструкциях «*то было все Гаврилово Лаптева, монастырь Троецкой поставлен на Гаврилове земле*» – «*князь Андрей Дмитриевич взял за себя Великое село Гавриловское Лаптева*» (АСВР 2, 332, ок. 1490–92 гг.) формы на *-ов/-овск*, *-ев/-евск*, *-ин/-инск* противопоставлены по характеру реализуемого ими посессивного значения.

Атрибутивные словосочетания дотопонимического характера являлись базой для образования собственно топонимов, реализующих разрядное топонимическое значение с помощью специализированных топоформантов *-ово/-ево*, *-ино*, *-овск/-евск*, *-инск* (*пустышь Тарасово* – АСВР 2, 192, 1491 г.). Подобные именованья утрачивают значение принадлежности и выходят за пределы ФСП посессивности.

В памятниках письменности XV в. посессивные топонимы, имеющие в своей структуре специализированный топоформант, составляли самостоятельный тип географических названий. Об этом свидетельствует наличие в монастырских актах топонимов, образованных способом вторичной аффиксации от основы притяжательного прилагательного: *Михеиновская деревня* (АСВР 2, 17, 1397 – 1427 гг.), *Чюпиновское дворище* (АСВР 2, 168, ок. 1455–75 гг.), *дер. Понтиново* (АСВР II, 290, ок. 1492). Под влиянием топонимов на *-ово/-ево*, *-ино* переоформлялись йотово–посессивные географические наименования: *Милобудь* (АСВР II, 140, 1448–70 гг.) – *Милобудово* (АСВР II, 142, 1448–70 гг.). Посессивные топонимы могли употребляться в текстах без географического термина, что подтверждает их собственно ономастический статус: «дал яз, князь Михаил-

ло Андреевич, в дом святей Богородице ... *Пружинино*, ... да *Пробудово*, ... да *Трофимово*, да *Полтино*, да *Добрилово*» (АСВР 2, 223, 1473 г.).

В нашем материале отмечены случаи взаимозамены топонимизированных формантов *-ов(о)/-ев(о)* и *-овск/-евск*: *пустошь Кочевино* – *пустошь Кочевинская* (АСВР 2, 290, 1492 г.), *пустошь Тарасово* (АСВР 2, 192, 1491 г.) – *пустошька Тарасовская* (АСВР 2, 218, 1472 г.), *пустошь Прокино* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.) – *пустошь Прокинская* (АСВР 2, 223, 1473 г.), *дер. Гришино* – *дер. Гришинская* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *дер. Кружково* – *дер. Кружковская* (АСВР 2, 296, ок. 1496 – 1505 г.). Подобные варианты частотны в актах конца XV в. Как отмечает Ю. С. Азарх, «с наличием у ономастического форманта лишь разрядного значения связана вариативность формантов у собственных имен в пределах одного разряда» [Азарх 1980: 142]. Вероятно, в этот период варианты форманты уже не реализуют значения принадлежности, данные аффиксы осознаются как собственно ономастические варианты форманты.

В памятниках письменности Белозерья отмечены именованья на *-овск(ое)/-евск(ое)*, *-инск(ое)*, возникшие в результате лексикализации формы единственного числа среднего рода прилагательного с суффиксами *-овск/-евск*, *-инск*: *пустошь Сысовское* (АСВР 2, 286, ок. 1492 г.), *дер. Сидоровское* (АСВР 2, 290, ок. 1492 г.), *деревня Павшинское* (АСВР 2, 267, 1485 г.), *деревня Куриловское* (АФЗХ, 288, 1495 – 1511 гг.), *дер. Овдеевское* (АСВР 3, 271, ок. 1496 г.). Вероятно, данные топонимы появились под влиянием лексикализированных форм на *-ово (-ево)*, *-ино*. Подобные образования не были продуктивны в исследуемых текстах, однако их наличие в памятниках свидетельствует о том, что в XV в. форманты *-овск/-евск*, *-инск*, исконно имеющие значение посессивности, лишаются своей семантической нагрузки.

Таким образом, топонимия монастырских актов Белозерского края конца XIV–XV вв. представляет собой систему проприально-апеллятивного характера, для которой характерно разнообразие типов посессивных именованья географических объектов.

Литература

Азарх Ю. С. Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. – Вологда, 1980. – С. 137–144.

Карпенко Ю. А. Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // Изучение географических названий. – М., 1966. – С. 7–18.

Мароевич Р. К. реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология. 1986 – 1987. – М., 1989. – С. 121 – 138.

Матей Л. П. Русская ойконимия с точки зрения семантической и структурной эволюции // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. – С. 44–59.

Смольников С. Н. Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002. – С. 5–28.

Чайкина Ю.И. Способы выражения посессивности в дозорной книге г. Белозеро 1617– 618 гг. // Русское слово в тексте и словаре. – Вологда, 2003. – С. 110–115.

Источники

АСВР – Акты социально–экономической истории Северо–Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II, III. – М., 1958.

Арх. еж. – Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло–Белозерского монастыря // Археографический ежегодник. – М., 1970.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. I. – М., 1951.

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси. – Ч. I. – СПб., 1857–1884.

Кн. Шексн. – Книга крепостей на пожни по р. Шексне // РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. № 4.

Монографии

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Сокращения

ФСК – функционально–семантическая категория

ФСП – функционально–семантическое поле